

Ценность каждого человека определяется ценностью предметов
его устремлений

РАЗМЫШЛЕНИЯ. В ЧЁМ НАШЕ БЛАГО?

МАРК АВРЕЛИЙ, ЭПИКТЕТ
ГОТОВОМУ ПЕРЕЙТИ РУБИКОН

PRO власть (Рипол)

Марк Аврелий Антонин
**Размышления. В чем
наше благо? Готовому
перейти Рубикон (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.124
ББК 87.3(0)

Антонин М.

Размышления. В чем наше благо? Готовому перейти
Рубикон (сборник) / М. Антонин — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (PRO власть (Рипол))

ISBN 978-5-386-09293-1

Стоицизм – поистине уникальная философская школа: зародившись в III–II веке до н. э., она увлекает и наших современников. В этой книге вы познакомитесь с ярчайшими мыслями одних из лучших представителей стоицизма. «В чем благо?» Эпиктета, древнегреческого философа, побывавшего рабом и получившим свободу за свою мудрость, и «Размышления» его блестящего последователя Марка Аврелия, римского императора и философа, раскроют перед вами глубину и силу человеческого духа.

УДК 821.124
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-386-09293-1

© Антонин М., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Предисловие	9
Марк Аврелий. Наедине с собой	11
Книга первая	11
1	11
2	11
3	11
4	11
5	11
6	12
7	12
8	12
9	12
10	13
11	13
12	13
13	13
14	13
15	14
16	14
17	15
Книга вторая	17
1	17
2	17
3	17
4	18
5	18
6	18
7	18
8	18
9	18
10	19
11	19
12	19
13	20
14	20
15	20
16	20
17	21
Книга третья	22
1	22
2	22
3	22
4	23
5	24
6	24
7	24

8	25
9	25
10	25
11	25
12	26
13	26
14	26
15	26
16	26
Книга четвертая	28
1	28
2	28
3	28
4	29
5	29
6	29
7	29
8	29
9	30
10	30
11	30
12	30
13	30
14	30
15	30
16	30
17	31
18	31
19	31
20	31
21	31
22	32
23	32
24	32
25	32
26	32
27	33
28	33
29	33
30	33
31	33
32	33
33	34
34	34
35	34
36	34
37	34
38	35
39	35

40	35
41	35
42	35
43	35
44	35
45	35
46	36
47	36
48	36
49	36
50	37
51	37
Книга пятая	38
1	38
2	38
3	38
4	38
5	38
6	39
7	39
8	39
9	40
10	40
11	41
12	41
13	41
14	41
15	41
16	42
17	42
18	42
19	42
20	42
21	43
22	43
23	43
24	43
25	43
26	43
27	44
28	44
29	44
30	44
31	44
32	45
33	45
34	45
35	45
36	45

Книга шестая	47
1	47
2	47
3	47
4	47
5	47
6	47
7	47
8	47
9	48
10	48
11	48
12	48
13	48
14	49
15	49
16	49
17	50
18	50
19	50
20	50
21	50
22	50
23	50
24	51
25	51
26	51
27	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Марк Аврелий Антонин, Эпиктет
Размышления. В чем наше благо?
Готовому перейти Рубикон

MARCUS AURELIUS ANTONINUS, EPIKTETOS

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Предисловие

Римский император (161–180 гг. по Р. Х.) Антонин, более известный под именем Марка Аврелия философа, родился в Риме в 121 году, а спустя семнадцать лет вместе с Люцием Вером был усыновлен их дядей Антонином (Пиём), в том же году унаследовавшим императорский престол от Адриана. В 147 году он сделался соправителем государства, а после смерти дяди Пия, последовавшей в 161 году, императорская власть всецело перешла к нему, и он немедленно разделил престол с Люцием Вером. На престоле он носил имя императора Цезаря-Марка-Аврелия-Антонина-Августа, но мы будем называть его Аврелием, ибо под этим именем он наиболее известен сегодня Аврелий получил образование под руководством лучших учителей своего времени, риторику, например, преподавали ему Ирод Аттик и Марк-Корнелий Фронтон; в двадцатипятилетнем возрасте он под влиянием философа Юния Рустика с особенным увлечением предался изучению стоической философии.

Это был выдающийся правитель, но царствование его не было счастливым. Во все время его правления бесконечные войны потрясали империю, на нее обрушился целый ряд бедствий, одно тяжелее другого: наводнение, землетрясение, голод сменяли друг друга. Вслед за его вступлением на престол катты вторглись в Римскую Германию и Рэцию, Британия стала угрожать восстанием, началась уже долго созревавшая упорная война с парфянами. В то время, когда государственные заботы удерживали Марка Аврелия на Западе, Люций Вер должен был вести войну на Востоке. Состоявшие под его начальством полководцы, именно Статий Приск и Авидий-Кассий, повели дело с таким успехом (Селевкия на Тигре была взята, дворец парфянского царя в Ктесифоне разрушен), что парфяне вынуждены были заключить мир (165 г. Р. Х.), хотя в римском войске уже стала свирепствовать чума.

По окончании Парфянской войны оба императора получили в 166 году триумф, и Марк Аврелий принял титул Парфянского. Но радость победы была омрачена ужасной чумой, которую вернувшиеся войска занесли во все провинции, лежавшие на их пути. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что северные племена, жившие вдоль Дуная на римской границе, заключили наступательный союз и вторглись в пограничные провинции. Оба императора выступили на войну, которая по имени одного из могущественнейших неприятельских племен получила название Маркоманской и много лет велась с переменным успехом. В январе 169 года Л. Вер умер в Италии на пути императоров в Рим. Критическое положение империи, на которую одновременно обрушились война, мор и голод, заставило Марка Аврелия принять чрезвычайные меры, он даже приказал продать с аукциона массу драгоценностей, хранившихся во дворце. Вскоре на льду Дуная он одержал победу над яцигами. Но в 174 году Марк Аврелий был окружен; недостаток воды довел войско его до крайности. Внезапно поднялся ветер, проливной дождь освежил войско, и враги были разбиты. Эта история пересказывалась потом и язычниками, и христианами. И в следующем году военное счастье не покинуло Марка Аврелия, но посторонние обстоятельства вынудили его заключить с варварами мир. Он получил известие, что восстал сирийский наместник Авидий-Кассий, которому император передал высшее управление значительной частью Востока. Но прежде чем Марк Аврелий добрался до Азии, мятежный наместник был убит собственными своими офицерами. Участники восстания имели случай испытать все великодушие и гуманность Марка Аврелия. 3 декабря 176 года он вместе с сыном своим Коммодом праздновал триумфом победу над «германцами и сарматами»; в это же приблизительно время он сделал Коммода своим соправителем. В 178 году опять вспыхнула война с маркоманами, которая снова кончилась победой римлян.

17 марта 180 года Марк Аврелий умер. Помимо обычных почестей ему была воздвигнута еще колонна по образцу Траяновой, украшенная рельефными изображениями подвигов

Марка Аврелия во время Маркоманской войны. Изображения эти сохранились до сих пор, равно как на Капитолии бронзовая, с остатками позолоты, конная статуя.

Несмотря на упорные войны, в которых Марк Аврелий провел все свое царствование почти без перерыва, он все же находил время для многих благотворных мероприятий в области внутреннего управления и юстиции. Все эти мероприятия отличаются замечательным человеколюбием. Между прочим, он расширил приют для бедных детей, учрежденный Траяном, и дал ему твердый устав, а также упорядочил законы об опеке. Но есть в его системе и теневая сторона: это преследования христиан, которыми галльские и смирнские власти омрачили его правление; он допустил эти преследования, предпринятые на основании законов, изданных при Траяне.

Кроме некоторых частей своей переписки и переписки Л. Вера и Антонина Пия с знаменитым ритором Фронтонем, Марк Аврелий оставил записки на греческом языке, под заглавием «К самому себе» («Размышления»). Записки эти делятся на 12 книг и дышат благородством и возвышенностью стоицизма; в них ярко отражаются его великодушный характер и те высоконравственные начала, которые он старался проводить в жизнь. Содержание этих записок – вопросы практической морали. Идеалом человека Марк Аврелий признает совершенное равнодушие ко всяким лишениям и самую искреннюю любовь к людям. Исконное свойство человеческой природы, по его мнению, стремление к общему благу. Он жалеет о тщеславии завоевателей и подвиги их считает наравне с разбоем. Он первый произнес слово «космополит». «Ты, как человек, – говорит он, – гражданин всего мира, ты – космополит». Все это, однако, не помешало ему выразить в своем произведении крайнее презрение к мученикам за идею христианства. Все происходящее в мире Марк Аврелий рассматривает как проявление промысла природы, отождествляемой с богом – активным, разумным и материальным началом, проникающим весь мир и объединяющим его в единое целое. Человек должен активно сотрудничать с миром, т. е. с богом, ибо в мире все происходит согласно его естественным законам. Чтобы достичь счастья, необходимо привести свое поведение, свои чувства и взгляды в соответствие с этими законами. Задача – постигать эти законы и жить в гармонии с ними...

Марк Аврелий. Наедине с собой Размышления

Книга первая

1

Деду Веру¹ я обязан сердечностью и незлобивостью.

2

Славе родителя² и оставленной им по себе памяти – скромностью и мужественностью.

3

Матери³ – благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества.

4

Прадеду⁴ – тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств.

5

Воспитателю⁵ – тем, что не интересовался исходом борьбы между Зелеными и Голубыми⁶ или между гладиаторами фракийского и галльского вооружения, что выносив в трудах, довольствуюсь малым, не поручаю своего дела другому, не берусь за множество дел и невосприимчив к клевете.

¹ Дедом Марка Аврелия по материнской линии был *Марк Анний Вер*, римский сенатор, дважды консул. В латинском тексте первой книги после предлога «от», начинающего каждую главу, нет глаголов, поэтому остается все же неясным, речь идет о том, что Марк Аврелий унаследовал перечисляемые качества у названных людей, находил в них для себя образец, или же просто отмечал их.

² Родного отца Марка Аврелия звали *Публий Анний Вер*. По отцовской линии род Марка Аврелия восходил ко второму царю Рима Нуме Помпилию (715–672 г. до н. э.).

³ Мать Марка Аврелия – *Домития Луцилла*, дочь Кальвизия Тулла, бывшего дважды консулом.

⁴ Возможно речь идет о прадеде Марка Аврелия – *Катилии Севере*, который дважды был консулом.

⁵ О ком говорит Марк Аврелий, в точности неизвестно.

⁶ *Зеленые и синие* (голубые) – партии в цирке. Назывались по цветам одежды наездников в конских состязаниях. Позднее эти партии приобрели политическое значение. Гладиаторы с поножами на обеих ногах, небольшим круглым щитом и кривым мечом назывались фракийцами (со времен Суллы, I в. до н. э.). Галлами называли часто мурмилонов (с изображением на каске рыбы – «мурмы»), сражавшихся с ретиариями, вооруженными сетью и трезубцем.

6

Диогнету⁷ – нелюбовью заниматься пустяками и неверием в рассказы чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах, тем, что не разводил перепелов и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное слово, что я отдался философии и слушал вначале Евтихия, затем Андрона и Мециана, уже ребенком писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни.

7

Рустик⁸ – тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни краснобайством, не разгуливал дома в столе⁹ и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синуессы, всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным образом, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете¹⁰, которыми он сосудил меня из своей библиотеки.

8

Аполлонию¹¹ – свободой и решимостью и тем, что неуклонно не взираю ни на что, кроме как на разум, и всегда остаюсь себе верным, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. Благодаря ему я на живом примере ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу из себя, когда приходится растолковывать что-либо; видел человека, который уменье и сноровку в передаче познаний почитал наименьшим из своих достоинств, и понял, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-за них, но и не оставляя их равнодушно без внимания.

9

Сексту¹² – благожелательностью, образцом дома, руководимого отцом семейства, решением жить согласно природе, безыскусственной серьезностью, заботливым отноше-

⁷ *Диогнет* упоминает автор «Жизнеописания Марка», писатель начала IV в. Капитолии, называя его учителем живописи. Возможно, Диогнет был наставником будущего императора.

⁸ *Юний Рустик* – философ-стоик, которого Марк Аврелий очень ценил.

⁹ *Стола* – широкая и длинная туника, верхняя женская одежда. Иногда ее носили и мужчины. Разгуливавший в столе юноша – признак женственности и изнеженности.

¹⁰ *Эпиктет* (ок. 50—138 г.) – философ, один из основных представителей поздней Стои. Раб в Риме, потом вольноотпущенник, основавший в Никополе (Греция) философскую школу. По образу жизни был близок к киникам. «Беседы» Эпиктета были записаны его учеником, историком Аррианом (автором известного «Похода Александра»). Учение Эпиктета и рассказы о его образе жизни оказали сильное влияние на Марка Аврелия.

¹¹ *Аполлоний Халкедонский* – философ-стоик, учитель Марка Аврелия.

¹² *Секст Херонейский* – философ-стоик, племянник знаменитого Плутарха, преподавал Марку Аврелию греческую литературу.

нием к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим и умением со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лести, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения, не высказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полной свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставляя их напоказ.

10

Александру Грамматику¹³ – воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи, или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания.

11

Фронтому¹⁴ – пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько вообще черствы душой люди, слывущие у нас аристократами.

12

Александру Платонику¹⁵ – тем, что не часто и не без необходимости ссылаюсь на недосуг как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах и не пренебрегаю, таким образом, постоянно, под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к ближним.

13

Катуллу¹⁶ – тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь по возможности все уладить по-прежнему, что от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот, а также истинной любовью к детям.

14

Брату моему Северу¹⁷ – любовью к домашним, к истине и справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеем, Гельвидием, Катонем, Дионом и Брутом¹⁸, представ-

¹³ *Александр Котиенский* – родом из Фригии, учитель греческой грамматики Марка Аврелия. Известен своим комментарием к поэмам Гомера.

¹⁴ *Марк Корнелий Фронтон* – знаменитый оратор II в., учитель Марка Аврелия. Возглавлял архаистическое направление в латинской литературе. Один из наиболее близких людей к Марку Аврелию. В его сочинениях сохранились письма к нему Марка Аврелия.

¹⁵ *Александр* – философ-платоник, исполнявший обязанности секретаря Марка Аврелия.

¹⁶ *Цинна Катул* – философ-стоик.

¹⁷ У Марка Аврелия не было родных братьев. Брат по усыновлению Антонином Пием Луций Вер не отличался подобными добродетелями. Возможно, имелся в виду философ-перипатетик Клавдий Север, учитель Марка Аврелия.

¹⁸ *Тразей Пет* и *Гельвидий Приск*, римляне, известные своей стойкостью и республиканскими симпатиями. Жертвы преследований Нерона (I в.). Катон *Утический* – участник гражданских войн конца римской республики. *Дион* – друг философа Платона, борвшийся против тирании в Сиракузах (IV в. до н. э.). *Марк Брут* (85–42 до. н. э.) – римский полководец

лением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлениях щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, но это всем было ясно.

15

Максиму¹⁹ – самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравновешенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили, все верили в его искренность, что бы ни делал – в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивляюсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни злорадства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя презируемым им, но никто не решался и счесть себя выше его.

16

Отцу своему²⁰ – кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имевшим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Если кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, находил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по капризу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел отдаленные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни, – наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, спо-

и политический деятель. Убийца Гая Юлия Цезаря.

¹⁹ *Клавдий Максим* – философ-стоик, учитель Марка Аврелия, пользовавшийся уважением со стороны Антонина Пия.

²⁰ Марк Аврелий называет отцом своего усыновителя Антонина Пия. *Тит Аврелий Фульвий Антонин* (Бойоний), прозванный за мягкосердие Пием (86—161), усыновлен Адрианом, в 138–161 гг. – император. Правление Антонина Пия считают вершиной могущества Римской империи. Марк Аврелий был женат на дочери Антонина Пия Фаустине и назначен вместе с Луцием Вером его преемником.

собного устроить и свои дела, и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно менее нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь; он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдя заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и непоседливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он как ни в чем не бывало со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявил благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой зданий, был непритязателен в вопросе о еде, о ткани и цвете одежд, о красоте рабов. Обычно в Лориуме²¹ он носил столу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувиуме по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане же носил плащ, считая нужным извиняться в этом, – и таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе: он мог именно и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании. Но проявлять в одном случае терпение, в другом – воздержание, в третьем – трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима.

17

Богам – тем, что у меня хорошие деда, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что недолго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что и живя при дворе можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат²², который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом

²¹ *Лориум* – небольшой город на границе Этрурии и Лация. Любимая резиденция Антонина Пия.

²² Брат Марка Аврелия по усыновлению *Луций Вер* был его равноправным соправителем до своей смерти в 169 г.

себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне; за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой большую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно разыскал своих воспитателей теми почестями, которых они, по видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды, и тем, что познакомился с Аполлонием, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, со своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе²³, и если я не жил так, то по своей вине и потому, что не следовал их указаниям и чуть что не прямым наставлениям, – за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что при такой жизни мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказаться от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена²⁴, и за то, что никогда не имел недостатка в хороших воспитателях для моих детей. Им же я обязан и полученным мною во сне указанием средств как против кровохаркания и головокружения (что случалось и в Каэте), так и против других недугов, и тем, что, почувствовав влечение к философии, я не попал в руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни историей, ни анализом силлогизмов, не отдался изучению небесных явлений. Ибо для всего этого нужна помощь богов и милость судьбы.

Страна Квадов у Грануи²⁵.

Несмотря на различие в характерах и образе жизни, Луций Вер относился к Марку Аврелию с уважением и почтением.

²³ *Жить согласно природе* – основное правило стоиков, начиная с основателя стоицизма Зенона Китионского (342/334 – 270/262 до н. э.) и Хрисиппа (281/278 – 208/205 до н. э.). «Жить согласно природе, – писал Зенон, – то же самое, что жить согласно добродетели». Природа – философская категория стоицизма, обозначающая, в данном контексте, связь человека с космическим миропорядком.

²⁴ *Фаустина*, дочь Антонина Пия и жена Марка Аврелия, по рассказам современников, вовсе не отличалась любовью к скромной жизни и верностью супругу. Ходили слухи, что Коммод, сын и наследник Марка Аврелия, был рожден от гладиатора, хотя, судя по сохранившимся скульптурным портретам, между отцом и сыном можно увидеть определенное сходство.

²⁵ Марк Аврелий писал эту книгу в походной палатке, во время передышки в тяжелой войне против германских племен квадов и маркоманов, наступавших на границы Римской империи. Грануя (Гран) – приток Дуная.

Книга вторая

1

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того как познал и природу добра – оно прекрасно, – и природу зла – оно постыдно, – и природу самого заблуждающегося – он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению, – я не могу ни потерпеть вреда от кого-либо *из них* – ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное, – ни гневаться на родного, ни ненавидеть его. Ибо мы созданы для совместной деятельности, как и нога, руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; но досадовать на людей и чуждаться их – *и значит* им противодействовать».

2

Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и руководящего начала²⁶. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Относись же к твоему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брэнное плетение из нервов, жил и артерий. Рассмотрю также существо жизненной силы: оно – дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежемгновенно то выдыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итак, остается лишь третье – руководящее начало, и о нем-то ты должен подумать. Ты стар – не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы помыкали им противообщественные стремления, чтобы оно роптало на свой настоящий удел и приходило в ужас перед будущим.

3

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы или не без связи и соединения с тем, чем руководит промысел. Все проистекает из этого источника; с ним сопряжены и неизбежное, и то, что идет на пользу всему миру, коего ты составляешь часть. Для всякой же части природы будет благом то, что производит природа Целого и что способствует ее поддержанию. Но изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение; пусть же они будут твоими основоположениями. Утешь свою жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть, а умереть, храня благорасположение и искренно, от всего сердца, благодаря богов.

²⁶ *Жизненная сила*, дыхание, по учению стоиков, – проявление в живых существах мирового творящего огня – пневмы. Марком Аврелием термин употреблен в уменьшительном значении, указывающем на малую часть этой вселенской силы. Господствующее («ведущее», «руководящее») начало в человеке является также истечением тончайших эфирных слоев пневмы, мирового огненного разума, исполненного художественно-творческих сил. Господствующее начало не отождествляется полностью с душой, но определяет ее способности и органическую связь с высшим разумом.

4

Вспомни, с коих пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз ты, получив у богов отсрочку, не воспользовался ею. Но ведь следует же тебе в конце концов сознать, к какому миру ты принадлежишь как часть и истечением какого мироправителя ты являешься; ты должен сознать, что положен предел времени твоей жизни и, если ты не воспользуешься этим временем для своего просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более уже не вернется.

5

Всегда ревностно заботиться о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней серьезностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью; и о том также, чтобы отстранить от себя все другие представления. Последнее удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия, себялюбия и недовольства своей судьбой. Ты видишь, как немногочисленны требования, исполнив которые всякий сможет жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги от того, кто исполняет эти требования, ничего больше не потребуют.

6

Ну что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

7

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

8

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

9

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение второй к первой и какой частью какого Целого она является, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, часть которой ты составляешь.

10

Теофраст²⁷, расценивая различные проступки (поскольку такая расценка возможна с обычной точки зрения), замечает как истинный философ, что проступки, содеянные по влечению, более тяжки, чем проступки, содеянные под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвращаясь от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распушенность и изнеженность. Правильно поэтому и достойно философии, Теофраст решил, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

11

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию, предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зол между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть же и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

12

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, брэнно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы – ребячество; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

²⁷ Теофраст (372–287 гг. до н. э.) – ученик Аристотеля. Известно его сочинение «Характеры».

13

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, проникнуть в «глубины подземные»²⁸ и разгадать тайну душ окружающих его людей и, однако, не сознающий, что для него вполне достаточно общения с одним только внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтены своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда именно в них проявляется неведение добра и зла – уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

14

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери – и сводятся они всего-навсего к мгновенью. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых, все из века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых, наиболее долговечный и умерший, только что начав жить, теряют в конце концов одно и то же. Настоящее – вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает.

15

Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима²⁹. Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины.

16

Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, объемлющей в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с

²⁸ Слова древнегреческого поэта Пиндара (921–441 гг. до н. э.), приведенные Платоном (великий древнегреческий философ, 427–347 гг. до н. э. (в его диалоге «Геэтет».

²⁹ *Моним Сиракузский* (IV в. до н. э.) – философ-киник, ученик Диогена из Синопа, наиболее знаменитого представителя кинической философии и соответствующего ей образа жизни (ок. 412–323 гг. до н. э.). Был рабом, но изгнан хозяином, как сумасшедший. Диоген Лаэртский, автор известного сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (кон. II – нач. III в.), сообщает о книге Монима Сиракузского «Безделки, с которыми незаметно смешаны важные вещи». О Мониме рассказывали, что он сравнивал все существующее вокруг с театральными декорациями, считая, что оно подобно сновидениям или бреду сумасшедшего.

целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града³⁰ и устройства.

17

Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – бренно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же – значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел как на проистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное – чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

Карнунт³¹.

³⁰ *Древнейшему Граду* уподоблена вселенная, обладающая разумом.

³¹ *Карнунт* – город в Паннонии, место зимовки римских легионов во время войны с маркоманами, германскими племенами, начавшими наступление на границы империи.

Книга третья

1

Надлежит учесть не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но также и то, что если бы даже была обеспечена кому-нибудь более долгая жизнь, все же останется неизвестным, будет ли по-прежнему достаточна сила его мысли для понимания наличных обстоятельств и для постижения, осваивающего с делами божескими и человеческими. Ведь если человек начнет тупеть, то это, конечно, не отразится еще на дыхании, пищеварении, воображении, стремлении и тому подобных отправлениях, но власть над самим собой, точное понимание своих обязанностей, *способность* разобраться в происходящем и отдать себе отчет в том, не пора ли расстаться с этой жизнью, все, что необходимо предполагает изошренность разума, будет потеряно безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что с каждым днем мы все ближе и ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни отказывается служить способность уразумения и наблюдения вещей.

2

Следует обратить внимание и на то, что даже и привходящее к произведениям природы обладает какой-то привлекательностью и заманчивостью. Так, на печеном хлебе местами имеются трещинки, и хотя эти расщелины некоторым образом чужды цели пекарского искусства, однако они как-то уместны и особенно возбуждают аппетит к еде. Точно так же и плоды смоковницы лопаются, достигнув наибольшей зрелости, а в переспелых маслинах самая близость гниения сообщает какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пена, бьющая из пасти вепря, и многое другое, далеко не миловидное, если рассматривать его само по себе, сопутствуя тому, что произведено природой, способствует общему впечатлению и влечет к себе; так что тому, кто обладает восприимчивостью и более глубоким проникновением в происходящее в Целом, едва ли что-нибудь и из сопутствующего произведениям природы не покажется некоторым образом уместным. На пасти живых зверей он будет взирать с не меньшим удовольствием, чем на изображенные, в подражание природе, художниками и ваятелями; а разумными очами своими он сможет узреть как особый расцвет и красоту старца и старухи, так и привлекательность ребенка. И много есть такого, что ведомо не всякому, но открывается лишь тому, кто действительно сблизился с природой и ее делами.

3

Гиппократ³², исцелив множество болезней, сам заболел и умер. Халдеи³³ предсказали многим смерть, а затем их самих настигла судьба. Александр, Помпей, Гай Цезарь³⁴, раз-

³² *Гиппократ* (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.) – врач, реформатор античной медицины, выдвинувший положение о моральной ответственности врача.

³³ *Халдеи* – семитические племена Южной Месопотамии. В данном случае – жрецы и маги Нововавилонского царства, которые славились как астрологи и предсказатели.

³⁴ *Александр Македонский* (356–323 гг. до н. э.) – царь Македонии с 336 г. до н. э., завоеватель, создавший мировую державу, которая распалась после его смерти. Со времени завоеваний Александра Македонского начинается эпоха эллинизма. *Гней Помпей*, прозванный Великим (106–48 гг. до н. э.) – римский полководец, боролся против Цезаря, разбитый Цезарем при Фарсале (Греция), был убит в Египте. *Гай Юлий Цезарь* (102 или 100–44 гг. до н. э.) – полководец, выдающийся писатель. После разгрома Помпея – глава римского государства. Убит в результате заговора.

рушив дотла столько городов и умертвив в боях десятки тысяч всадников и пехотинцев, в конце концов и сами расстались с жизнью. Гераклит³⁵, столько рассуждавший о всемирном пожаре, умер от водянки; не помог ему и коровий помет, которым он был намазан. Демокрита заели паразиты, Сократа убили тоже своего рода паразиты³⁶. Но какой вывод из всего этого? Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани – пора слезать. Если тебя ждет другая жизнь, то, так как боги вездесущи, они будут и там. Если же это будет состояние бесчувственности, то тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая настолько хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть дух и гений, оболочка же – прах и тлен.

4

Не расточай остатка жизни на мысли о других, если только дело не идет о чем-либо общепольном. Ведь, раздумывая о том, что кто делает и ради чего он это делает, что кто говорит, замышляет и предпринимает, ты упускаешь другое дело: все подобное отвлекает от забот о собственном руководящем начале. Надлежит, следовательно, удалять из связи своих представлений все бесцельное и праздное, а в особенности все, внушаемое любопытством и злобой. Следует приучать себя, далее, только к таким мыслям, относительно которых на внезапный вопрос: «О чем ты теперь думаешь?» – ты мог бы, не обинуясь, откровенно ответить, что о том-то и том-то, ибо из них непосредственно явствует, что все они преисполнены искренности и благожелательности и достойны существа общежительного, гнушающегося мыслями о чувственном удовольствии и даже вообще о наслаждении, всякой строптивостью, завистью, подозрительностью и вообще всем тем, что заставит тебя покраснеть, если ты сознаешься, что оно было в тебе. Ведь подобный человек, никогда не оставляющий попечения о том, чтобы быть в числе наилучших, есть жрец и пособник богов. Он дружен и с живущим внутри его божеством, которое делает человека недостижимым для наслаждений, неуязвимым для каких бы то ни было страданий, чуждым всякой гордыне, нечувствительным к какому бы то ни было проявлению злобы, борцом в величайшей борьбе, где он должен противостать всем страстям, побуждает его глубоко проникнуться справедливостью и от всей души приветствовать все происходящее и выпадающее ему на долю, а о том, что говорит, делает или помышляет другой человек, думать нечасто и только если этого необходимо требует великое и общепольное дело. Он занят исключительно своими личными делами, а постоянным предметом его размышлений является жребий, предуготовленный ему строением Целого. Первое он стремится довести до совершенства, а что касается второго, то он твердо уповает на его благость. Ибо жребий, выпадающий на долю каждого, и приурочен ему, и полезен для него. Он помнит также, что все разумное в родстве между собой, что заботиться о всех людях сообразно природе человека и что ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе. Он никогда не упускает из виду, что представляют собою те, кто живут не так, каковы они дома и вне дома, ночью и в течение дня, и с кем, и какую

³⁵ *Гераклит Эфесский* (кон. VI – нач. V в. до н. э.) – философ ионийской школы. Его учение о Мировом огне, который есть душа и разум (логос), оказало влияние на стоиков. Диоген Лаэртский передает рассказ о том, что, заболев водянкой, Гераклит закопался в бычьем навозе в хлеву, теплотою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако и в этом не найдя облегчения, он скончался, прожив 60 лет.

³⁶ *Демокрит из Абдер* (460–371/70 или 361 г. до н. э.) – философ, создатель атомистической теории. О конце жизни Демокрита существует много анекдотических рассказов, но Диоген Лаэртский сообщает, что философ тихо скончался, прожив более ста лет. Возраст Демокрита несколько преувеличен. Римский поэт и философ Лукреций Кар (96 г. до н. э. – 55 г. н. э.) передает рассказ о самоубийстве Демокрита, почувствовавшего приближение старческого слабоумия. *Сократ* (469–399 гг. до н. э.) – самый известный, наряду с Платоном и Аристотелем, философ античности. Марк Аврелий имеет в виду доносчиков («сикофантов»), непостоянных в своих мнениях и эмоциях, афинских граждан и судей, вынесших в 399 г. до н. э. смертный приговор Сократу по несправедливому обвинению в отрицании богов, признанных городом, введении «новых божественных существ» и совращении молодежи.

водят дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяют, он не ставит ни во что.

5

Не поступай ни против своей воли, ни вразрез с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти, не облачай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства, римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного человеку, который, не нуждаясь ни в клятве, ни в поручителях, с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, которое зависит от других.

Итак, следует быть правым, а не исправляемым.

6

Если ты находишь в человеческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразумие, мужество, одним словом, удовлетворенность твоего духа самим собой, где он может указать тебе путь действия, согласный с правым разумом, и своей участью, где выпадающее на долю не зависит от выбора, если, говорю я, ты видишь что-нибудь лучшее, нежели это, то положи всю свою душу на то, чтобы испытать оказавшееся наилучшим. Если же ничто не кажется тебе лучшим, нежели живущий в тебе гений, подчинивший себе отдельные стремления, исследующий свои представления, сделавший себя недоступным для обольщения чувств, как говорил Сократ, подчинивший себя богам и заботящийся о людях, если по сравнению с этим ты находишь все остальное мелким и ничтожным, то не уделяй места ничему другому, что, раз прельстивши и склонивши тебя, уже не даст тебе возможности безраздельно отдаться служению единственно тебе принадлежащему благу. Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить что-либо чужеродное, как-то: одобрение толпы, власть, богатство, жизнь, полная наслаждений. Но все это, если ты припишешь ему хотя бы незначительную ценность, внезапно овладеет тобой и увлечет за собой. Ты же, говорю, искренно и свободно избирай лучшее и держись его. – «Но лучшее – это полезное». – Если оно полезно для тебя как существа разумного, то береги его; если для тебя как животного, отрекись от него. Оберегай способность суждения от надменности, чтобы иметь возможность осторожно производить исследование.

7

Никогда не считай полезным для себя то, что когда-либо побудит тебя преступить обещание, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему духу, гению и служению его добродетели, не надевает трагической маски, не издает стенаний, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить – и это самое главное, – ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение ли большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и, когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким он стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и честью. Ведь всю свою жизнь он только и думает о том, чтобы не дать своей

душе опуститься до состояния, недостойного разумного и призванного к гражданственности существа.

8

В душе человека, облагороженного и претерпевшего очищение, ты не найдешь ни гнойников, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла его судьба, его жизнь не будет неокончена, как про трагического актера говорят, что он оставил сцену, не окончив и не доиграв роли. В нем нет ничего рабского, вынужденного, нет навязчивости, отчужденности, нет ничего, заслуживающего порицания и боящегося света.

9

Относись бережно к способности составлять себе убеждение. От нее всецело зависит, чтобы не возникло в руководящем тобой начале никакого убеждения, несогласного с природой и строем разумного существа. Она же предписывает нам не быть скорыми на решения, относиться с благожелательностью к людям и слушаться богов.

10

Отринув все, держись лишь этих немногих правил. Помни также, что каждый живет лишь настоящим, ничтожно малым моментом; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвестностью. Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живет, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь в нескольких кратковечных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно опочил.

11

К вышеуказанным предписаниям нужно прибавить еще одно. Следует давать определение или описание каждого представляющегося предмета, чтобы без покрова и в расчлениении всех частей видеть самое его сущность и называть его и все то, из чего он состоит и на что разложится, соответствующими именами. Ведь ничто так не содействует возвышенному настроению, как способность планомерного и истинного проникновения во все встречающееся в жизни и умение встать относительно его на такую точку зрения, чтобы сразу решить: какому миру и какая от него польза, в чем его ценность как для Целого, так и для человека, гражданина Вышнего Града³⁷, по отношению к которому все остальные государства только отдельные домохозяйства, что есть, из чего слагается и сколько времени будет длиться то, что возбуждает теперь мое представление, и какую добродетель³⁸ следует к нему применить, кротость ли, мужество, правдивость, верность, простоту, самоудовлетворенность или что-либо в этом роде. Поэтому в каждом отдельном случае следует дать себе отчет: вот это исходит от бога, это происходит в силу связи, predeterminedенного соединения, такого же сочетания и судьбы, это же обязано своим существованием моему единоплемен-

³⁷ *Вышний Град* – образное определение вселенной, состоящей из вещей, объединенных симпатической связью. В представлении стоиков все вещи притягивает друг к другу взаимная симпатия.

³⁸ Марк Аврелий употребляет греческое слово, которое означает «добродетель», «доблесть» как «совершенство», «достоинство» или «превосходство» любого вида. Изначально в греческом языке это понятие превосходства было связано с выполнением цели или функции, наиболее полным воплощением возможного, часто только в телесном смысле. Рассматривая учение стоиков, Диоген Лаэртский пишет: «Добродетель есть согласованность predispositions (человека с природой). Она заслуживает стремления сама по себе, а не из страха, надежды или иных внешних причин. В ней заключается счастье, ибо она устроит душу так, чтобы вся жизнь стала согласованной».

нику, сородичу и согражданину, хотя и не знающему, чего требует от него природа. Но я-то ведь знаю и поэтому отношусь к нему благожелательно и справедливо, согласно естественному закону общения. Вместе с тем я стремлюсь определить и относительную ценность вещей собственно безразличных.

12

Если ты, следуя правому разуму, будешь старательно, ревностно и любовно относиться к делу, которым ты в данный момент занят, и, не глядя по сторонам, будешь блюсти чистоту своего гения, как будто уже пора с ним расстаться, если ты будешь поступать так, ничего не ожидая и не избегая, но довольствуясь наличной деятельностью, согласной с природой, и геройским правдолюбием во всем, что ты говоришь и высказываешь, – ты будешь жить хорошо. И никто не в силах помешать этому.

13

Как врачи всегда имеют под рукой инструменты и приборы на случай внезапной операции, так и ты имей наготове основоположения для познания вещей божеских и человеческих и во всех даже самых незначительных действиях помышляй о связи тех и других. Без соображения с божественным не сделаешь хорошо ничего человеческого, и наоборот.

14

Пора угомониться. Иначе тебе не придется прочесть ни твоих воспоминаний, ни деяний древних римлян и греков, ни тех отрывков из писателей, которые ты отобрал себе под старость. Итак, спешి к цели и, оставив пустые надежды, сам, пока еще не поздно, приди себе на помощь, если только ты сколько-нибудь заботишься о самом себе.

15

Люди не знают, сколь многозначны такие слова, как воровать, сеять, покупать, бездействовать, усматривать надлежащее; для этого знания нужны не телесные очи, а некий другой орган зрения.

16

Тело, душа, дух. Телу принадлежат ощущения, душе – стремления, духу – основоположения. Способностью получать впечатления обладают и скоты, стремления проявляются бурно и в диких зверях, и в андрогинах³⁹, и в Фаларисе⁴⁰, и в Нероне⁴¹, пользоваться духом для внешнего соблюдения обязанностей могут люди, и не признающие богов, и изменяющие своей родине, и творящие, запершись у себя, всякие гнусности. Если все это, согласно сказанному, общо всем, то одному лишь хорошему человеку свойственно любить и приветствовать происходящее и сопряженное с ним, не осквернять живущего в его груди гения, не беспокоить и не смущать его обилием представлений, а сберечь его чистым, строго послуш-

³⁹ *Андрогин* – термин, который употребляется не только в смысле физического гермафродитизма, но и в смысле нравственного ничтожества.

⁴⁰ *Фаларис* – тиран Агригентский (Агриженто, о. Сицилия), правивший в 565–549 гг. до н. э.

⁴¹ *Нерон Клавдий Друз* (37–68) – римский император в 54–68 гг. Оба монарха прославились своей легендарной жестокостью.

ным богам, не говорящим никогда вразрез с истиной и не делающим ничего вразрез со справедливостью. Если даже все люди откажутся поверить, что он живет так просто, скромно и счастливо, то он не будет сердиться ни на кого из них и не сойдет с пути, ведущего к цели жизни, к которой следует подойти чистым, спокойным, с легким сердцем и с безропотной покорностью своей судьбе.

Книга четвертая

1

Когда внутреннее господствующее начало верно природе, то его отношение ко всему происходящему таково, что оно всегда может легко приноровиться к возможному и данному. Ведь оно не испытывает любви к какой-нибудь определенной материи, но к предпочтительному стремится лишь условно, заступающее же место последнего обращает в материал для себя. Оно подобно огню, овладевающему тем, что брошено в него: слабая лампада была бы потушена, а яркое пламя мгновенно охватывает попавшее в него, пожирает его и вздымается благодаря этому еще выше.

2

Ничего не следует делать зря и никогда не поступать иначе, как сообразно строгим правилам искусства.

3

Люди ищут уединения, стремятся к деревенской тиши, к морским берегам, в горы. И ты также привык более всего желать этого. Все это, однако, говорит лишь о крайнем невежестве, ибо в любой момент ты можешь удалиться в самого себя. Ведь самое тихое и безмятежное место, куда человек может удалиться, – это его душа. В особенности же человек, который найдет внутри себя то, взглядевшись во что, он тотчас преисполнится спокойствием; под спокойствием же я разумею здесь не что иное, как сознание своей добропорядочности. Почаще же разрешай себе такое уединение и черпай в нем новые силы.

Пусть будут установлены краткие и основные положения, первого соприкосновения с которыми будет достаточно, чтобы разогнать всю печаль и отправить тебя обратно недосадующим на то, к чему ты возвращаешься. На что ты, в самом деле, будешь досадовать? На порочность людей? Но если ты поразмыслишь над положением, гласящим, что разумные существа рождены друг для друга, что терпение есть часть справедливости, что люди заблуждаются против своей воли, если ты вспомнишь, что столько людей враждовавших, подозревавших, ненавидевших, соперничавших умерло и обратилось в прах, то скоро успокоишься.

Но не досадуешь ли ты на удел, доставшийся тебе в силу устройства Целого? Возобнови в своей памяти дилемму: «Или Промысел, или атомы»⁴² – и те положения, которыми доказывается, что мир подобен Граду.

Тебя смущает еще состояние тела? Подумай о том, что дух, сосредоточившийся в самом себе и познавший свою собственную мощь, не смешивается с тихо или порывисто движущейся жизненной силой⁴³, и обо всем другом, что ты слышал и одобрил относительно наслаждения и страдания. Тебя увлекает мечта о славе? Обрати внимание на то, как быстро все предается забвению, на хаос времени, беспредельного в ту и другую сторону, на суетность похвал, изменчивость и безрассудство тех, которые, по-видимому, тебя ценят, на

⁴² Марк Аврелий имеет в виду последователей учения Демокрита и Эпикура, считавших, что вселенная состоит из атомов (неделимых частиц разных форм и размеров) и пустоты.

⁴³ Имеется в виду «жизненная сила» (см. примеч 1 ко Второй книге).

незначительность пространства, пределами коего слава ограничена. Ведь вся земля только точка. А какой крошечный уголок ее занимает место твоего пребывания? А сколько здесь тех, кто будет прославлять тебя, и что они собой представляют?

Вспомни же, наконец, об удалении в свою собственную обитель и, главное, не разбрасывайся, не суетись, но будь свободным и смотри на вещи, как муж, гражданин, смертный! Среди истин, которые всегда должны быть под рукой, заметь особенно две. Во-первых, вещи не касаются души, но пребывают в покое вне ее; причины жалоб коренятся в одном лишь внутреннем убеждении. Во-вторых, все то, что ты видишь, подлежит изменению и вскоре исчезнет. Размышляй постоянно и о том, скольких изменений ты уже был свидетелем. Мир – изменение, жизнь – убеждение.

4

Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен Граду. Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то, из этого Града, и духовное начало в нас, и разумное, и закон. Откуда же иначе? Ведь как все то во мне, что обладает свойствами земли, есть частица какой-нибудь земли, влажное – частица другого элемента, животворящее, теплое и огневидное берут начало каждое в своем источнике (ибо ничто не возникает из ничего, как и не превращается в ничто), точно так же и дух откуда-нибудь да происходит.

5

Смерть есть такая же тайна природы, как и рождение. В одном случае соединение, в другом – разложение одних и тех же элементов. Вообще в них нет ничего, что могло бы быть для кого-нибудь постыдным, ибо нет ничего не соответствующего одухотворенному существу или разуму его строения.

6

Людям этого рода свойственно поступать таким образом – это необходимо. Не желать этого – все равно что не желать, чтобы в смоковнице был сок. Вообще помни о том, что по истечении самого незначительного промежутка времени вы оба, и ты, и твой супротивник, умрете; а вскоре затем не будет помину и о ваших именах.

7

Устрани убеждение, устранится и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред, устранится и самый вред.

8

То, что не делает человека худшим, чем он есть, не делает худшей и его жизнь и не вредит ни внешней, ни внутренней стороне его существа.

9

Польза вынуждает природу поступать таким образом.

10

Все совершающееся свершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убедишься в этом. Все совершается, говорю я, не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распределил все сообразно достоинству. Продолжай же начатое тобою наблюдение и, что бы ты ни делал, делай с той мыслью, чтобы стать хорошим в истинном значении этого слова. Храни эту мысль во всех твоих начинаниях.

11

Не проникайся ни тем убеждением, которого держится обидчик, ни тем, которое он хочет навязать тебе, но все рассматривай в его подлинной истине.

12

Всегда следует быть готовым к двойному. Во-первых, делать только то, что внушает разум царствующей и законодательствующей в тебе части на пользу людей. Во-вторых, изменить свое мнение, если кто-либо поправит тебя и разубедит в чем-нибудь. Но изменять свое мнение следует, только сообразуясь с чем-нибудь столь убедительным, как справедливое, общая польза и тому подобное, а отнюдь не потому, что такое изменение кажется приятным или сулит славу.

13

«Обладаешь ли ты разумом?» – «Обладаю». – «Почему же ты не пользуешься им? Ведь если он будет делать свое дело, что останется тебе желать?»

14

Ты существовал как часть Целого. Тебе предстоит исчезнуть в породившем тебя, правильнее, ты, в силу изменения, будешь поглощен мировым разумом, который семя вещей.

15

На жертвеннике много кусочков ладана. Один из них попал сюда раньше, другие позже – разницы здесь нет никакой.

16

Если ты проникнешься известными основоположениями и отдашься служению разуму, то через десять дней покажешься богом тем, кому теперь кажешься зверем и обезьяной.

17

Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошим.

18

Сколько досуга выигрывает тот, кто не смотрит на то, что сказал, сделал или подумал его ближний, но лишь на то, что он делает сам, чтобы соблюсти в своих действиях справедливость и благочестие! По слову Агатона⁴⁴, не выискивать следует пороки других, а идти прямой дорогой, не уклоняясь в сторону.

19

Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это – ничто для умершего. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы.

20

Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе: похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем благожелательность, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смарагд от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение?

21

Если души продолжают существовать, то каким образом воздух из века вмещает их в себе? А каким образом вмещает в себе земля тела погребяемых в течение стольких веков? Подобно тому как здесь тела, после некоторого пребывания в земле, изменяются и разлагаются и таким образом очищают место для других трупов, точно так же и души, нашедшие прибежище в воздухе, некоторое время остаются в прежнем виде, а затем начинают претерпевать изменения, растекаются и возгораются, возвращаясь обратно к семенообразному разуму Целого, и таким образом уступают место вновь прибывающим. Вот что можно ответить при предположении, что души продолжают существовать. Следует поразмыслить не только над числом погребяемых трупов, но и над числом живых существ, ежедневно поедаемых нами и другими плотоядными животными. А в каком количестве они уничтожаются и как находят свою могилу в телах тех, кому они были на потребу? И, однако, места для них хватает, ибо они преосуществляются в кровь и принимают свойства воздуха или огня.

⁴⁴ Агафон – древнегреческий поэт и драматург V в. до н. э. Упоминается в «Поэтике» Аристотеля. Сохранились лишь отдельные отрывки из его произведений.

Что могло бы помочь распознаванию истины в этом вопросе? Различие начала материи и причины.

22

Не следует бросаться из стороны в сторону, но при всяком стремлении сообразовываться со справедливостью и при всяком представлении блюсти понимание.

23

Мир! Все, что гармонирует с тобой, пристало и мне, и ничто для тебя заблаговременное и для меня не наступает слишком рано или слишком поздно. Природа! Все созревающее в смене твоих времен – мне на потребу. Все исходит от тебя, все пребывает в тебе, все к тебе возвращается. Герой пьесы говорит: «О возлюбленный град Кекропса!»⁴⁵ Неужели же ты не скажешь: «О возлюбленный град Зевса!»?

24

«Если хочешь достичь душевного спокойствия, – говорит философ⁴⁶, – то ограничь свою деятельность немногим». Но не лучше было бы сказать «необходимым» и тем, что предписывает разум существа, от природы гражданственного, и при том, как он предписывает? В таком случае мы будем обладать не только тем душевным миром, который обуславливается прекрасными поступками, но и тем, который обуславливается их немногочисленностью. Ведь большая часть того, что мы говорим и делаем, не необходима, и если бы кто-нибудь обошелся без этого, то был бы богаче досугом и беднее тревожениями. Поэтому в каждом отдельном случае следует спрашивать себя: «Относится ли это к числу необходимого?» И устранять следует не только не необходимые поступки, но и не необходимые представления, ибо за ними-то и следуют праздные поступки.

25

Сделай попытку, насколько тебе удастся жизнь хорошего человека, довольствующегося уделом, доставшимся ему в силу устройства Целого, удовлетворяющегося справедливостью своей собственной деятельности и благожелательностью своего настроения.

26

Осмыслил ли ты предыдущее? Ознакомься тогда и с нижеследующим. Не мудри над собой, старайся быть простым.

Прегрешает кто-нибудь? Он прегрешает против самого себя. Случилось с тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся с тобой было изначально суждено тебе и сопряжено с тобой в силу устройства Целого. Вообще же жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествам и в часы досуга.

⁴⁵ Цитата из комедии древнегреческого драматурга Аристофана (ок. 446–385 гг. до н. э.) «Селяне». Кекропс – первый царь Афин, рожденный землей получеловек и полужмей.

⁴⁶ По свидетельству римского писателя и философа стоика Луция Аннея Сенеки (ок. 4 г. до н. э. – 66 г н. э.), это изречение принадлежит философу Демокриту.

27

Мир или стройный порядок или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настроение? И это, когда все различено, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!

28

Есть характеры мрачные, характеры женственные, упорные, зверские, ребяческие, скотские, вялые, фальшивые, нелепые, вероломные, тиранические.

29

Если чужд миру тот, кто не знает сущего в нем, то не менее чужд и не знающий происходящего. Беглец тот, кто уклоняется от разума гражданственности, слепец – смежающий очи духовные, нищий – кто нуждается в другом и не имеет в самом себе всего полезного для жизни. Кто отступает и удаляется от разума общей природы, выражает неудовольствие происходящим – отступник от мира. Ведь порождает все происходящее та же природа, что породила и его. Отверженец Града тот, кто обособляет свою душу от души всех разумных существ – единой для всех.

30

Кто философствует без хитона, кто – без книг, кто – полуголый. «У меня нет хлеба, – говорит он, – и все же я верен разуму»⁴⁷. И меня наука не кормит, а все же я остаюсь ей верным.

31

Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи, как человек, всей душой предавшийся, во всем касающемся его, на волю богов, и не желающий быть ни рабом, ни тираном по отношению к кому-нибудь из людей.

32

Окинь мысленным взором хотя бы времена Веспассиана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступают в браки, возвращают детей, болеют, умирают, ведут войны, справляют празднества, путешествуют, обрабатывают землю, льстят, предаются высокомерию, подозревают, злоумышляют, желают смерти других, ропщут на настоящее, любят, собирают сокровища, добиваются почетных должностей и трона. Что случилось с их жизнью? Она сгинула. Перенесись ко временам Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни равным образом и на другие периоды времени в жизни целых народов и обрати внимание на то, сколько людей умерло вскоре по достижении заветной цели и разложилось на элементы. Чаще же всего следует возвращаться к тем, которых ты знал лично, как людей, стремящихся к суетному и пренебрегавших делом, отвечавшим их собственному строю, не остававшихся

⁴⁷ Марк Аврелий подразумевает образ жизни, который вели последователи кинизма – одной из важнейших философских школ античности, основанной в самом конце V в. до н. э. учеником Сократа Антисфеном (ок. 445–360 гг. до н. э.).

ему верными и не довольствовавшихся им. Необходимо также помнить, что внимание, уделяемое каждому делу, оценивается по нему и должно быть соразмерно ему. Таким образом, если ты не будешь заниматься незначительными делами более, чем приличествует, то не придется тебе и разочаровываться.

33

Слова, бывшие некогда обычными, теперь нуждаются в пояснении. То же и с именами некогда прославленных мужей, как Камилл, Цезон, Волез, Леоннат: скоро та же участь постигнет и Сципиона, и Катона, затем Августа, а потом очередь и Адриана, и Антонина⁴⁸. Все кратковечно и вскоре начинает походить на миф, а затем передается и полному забвению. И я еще говорю о людях, в свое время окруженных необычайным ореолом. Что же касается остальных, то стоит им испустить дух, чтобы «не стало о них и помину»⁴⁹. Что же такое вечная слава? Суцая суета. Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнестись серьезно? Только одно: праведное помышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее, как необходимое, как предусмотренное, как проистекающее из общего начала и источника.

34

Предайся добровольно Клото⁵⁰, и пусть она ставит тебя в те условия, которые пожелает.

35

Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то, о чем помнят.

36

Постоянно думай о том, что все возникающее возникает в силу изменения, и приучай себя к мысли, что ничто так не любит природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет. Ты же считаешь семенем только засеянное в землю или утробу матери – и коснеешь в невежестве.

37

Твой конец уже близок, а ты все еще не отрешился от всего искусственного, все еще не свободен от треволнений, все еще опасаясь вреда извне, не преисполнен благосклонности ко всем, не понимаешь, что мудрость исключительно в справедливой деятельности.

⁴⁸ Возможно, подразумеваются *Фурий Камилл* (V–IV вв. до н. э.), которого называли «вторым основателем Рима»; *Марк Катон Старший* (234–149 гг. до н. э.) или *Катон Младший Утический* (95–46 гг. до н. э.); *Сципион Африканский Старший*, победитель Ганнибала при Заме (262 г. до н. э.), либо *Сципион Африканский Младший*, разрушивший Карфаген в 146 г. до н. э.; известны два *Цезона* – Фабий и Квинт, некий *Волез* упоминается Сенекой, как пример неимоверной жестокости; *Леоннат* – друг и соратник Александра Македонского; *Август Октавиан* (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) – римский император с 27 г. до н. э.; *Адриан* (76–138 гг.) – римский император с 117 г. из династии Антонинов; *Антонин Пий* – приемный отец Марка Аврелия.

⁴⁹ Гомер. Одиссея, 1, 242.

⁵⁰ *Клото* – одна из трех Мойр, богинь человеческой судьбы, дочерей Ночи. Клото прядет нить судьбы.

38

Вникни в руководящее начало людей, в то, что их озабочивает, к чему они стремятся и чего избегают.

39

Зло коренится для тебя не в руководящем начале других людей и не в превращениях и изменениях твоего тела. – «Но где же?» – В твоей способности составлять себе убеждение о зле. Пусть эта способность смолкнет, и все будет хорошо. Пусть эта способность пребывает в покое даже тогда, когда наиболее ей близкое, ее тело, режут, жгут, когда оно гноится и гниет, т. е. пусть она рассудит, что нет ни добра, ни зла в том, что равно может случиться как с дурным, так и с хорошим человеком. Ведь то, что одинаково может случиться как с живущим вразрез с природой, так и с живущим согласно ей, то и не согласно с природой, и не идет вразрез с ней.

40

Ты всегда должен мыслить мир как единое существо, с единой сущностью и единой душой. Подумай о том, как все сводится к его же единому ощущению, как создает он все единым стремлением, как все содействует возникновению всего, какая во всем связь и соответствие.

41

«Человек – это душонка, обремененная трупом», – как говорит Эпиктет.

42

Нет ничего дурного в том, чтобы претерпеть изменение, как нет ничего хорошего в существовании благодаря ему.

43

Время есть река возникающего и стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как уже проносится мимо, но проносится и другое, и вновь на виду первое.

44

Все происходящее также обычно и известно, как роза весной и виноград осенью. Таковы и болезнь, и смерть, и клевета, и злоумышление, и все то, что радует или огорчает глупцов.

45

Последующее всегда родственно предыдущему. Здесь мы имеем дело не со счислением разнородного, лишь насильственно приводимого к единству, а со связью, сообразной разуму. И подобно тому как гармонически слажено все сущее, и все возникающее являет не бессмысленное чередование, а чудесную внутреннюю близость.

46

Всегда помни изречение Гераклита: «Для земли смерть стать водой, для воды – воздухом, для воздуха – огнем, и наоборот». Следует помнить и о человеке, забывшем, куда ведет путь⁵¹, и о том, что люди отступают от проникающего Целое разума, с которым они находятся в самом непрерывном общении, и что чуждым кажется им то, с чем они сталкиваются каждый день, и о том, что не нужно говорить и поступать, как во сне (ибо и тогда нам кажется, будто мы говорим и действуем), и что не следует поступать, подобно детям, т. е. слепо следуя примеру родителей.

47

Если бы кто-нибудь из богов сказал тебе, что ты умрешь завтра или уже во всяком случае послезавтра, то едва ли ты стал бы очень добиваться, чтобы это произошло послезавтра, если ты только не труслив до низости. Ибо насколько же ничтожна разница! Точно так же не считай очень важным, умрешь ли ты по истечении многих лет или же завтра!

48

Всегда размышляй о том, сколько умерло врачей, часто хмуривших чело над ложем больного, сколько математиков, гордившихся своими предсказаниями смерти другим людям, сколько философов, распространявших о смерти и бессмертии, сколько воителей, загубивших множество людей, сколько тиранов, пользовавшихся своей властью над чужой жизнью с таким высокомерием, точно они сами были бессмертны, сколько умерло, так сказать, целых городов, как Геликия, Помпея, Геркуланум⁵² и бесчисленное множество других. Перебери одного за другим и тех, кого ты знал лично: один хоронит одного, другой – другого, а затем умирают и сами – и все это в течение краткого промежутка времени. Вообще следует смотреть на все человеческое как на мимолетное и кратковечное – то, что было вчера еще в зародыше, завтра уже мумия или прах. Итак, проведи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему ее древу.

49

Будь подобен скале: волны беспрестанно разбиваются о нее, она же стоит недвижимо, и вокруг нее стихают взволнованные воды.

Я несчастен потому, что со мной случилось то-то и то-то. – Отнюдь нет. Наоборот, я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломен настоящим, не трепещу перед грядущим. Случиться ведь это могло со всяким, но не всякий бы остался чуждым печали. Почему же первое более несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьем для человека то, что не препятствует человеческой природе достичь ее цели? Но кажется ли тебе таким препятствием то, что не идет вразрез с требованиями человеческой природы? В чем же заключаются эти требования? Ты знаешь их. Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным и обладать

⁵¹ Намек на неизвестную басню или пословицу.

⁵² *Геликия* – город в Ахайе (Греция), затопленный в 373 г. до н. э. Помпеи и Геркуланум – города Италии, погибшие в 79 г. н. э. в результате извержения Везувия.

всеми другими свойствами, в наличии которых особенность человеческой природы? Не забывай же впредь при всяком событии, повергающем тебя в печаль, пользоваться основоположением: «Не событие это является несчастьем, а способность достойно перенести его – счастьем».

50

Простое, но действительное средство для того, чтобы научиться презирать смерть, – это воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь. Чем им лучше, нежели умершим преждевременно? Лежат где-нибудь и Катилиан, и Фабий, и Юлиан, и Лепид⁵³, и им подобные, многих схоронившие, а затем погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при каких условиях, с какими людьми и в каком жалком теле придется провести это время! Итак, не считай всего этого важным. Оглянись назад – там безмерная бездна времени, взгляни вперед – там другая беспредельность. Какое же значение имеет по сравнению с этим разница между тем, кто прожил три дня, и прожившим три человеческих жизни?

51

Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же – путь согласный с природой: он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках.

Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, притворства и тщеславия.

⁵³ Имена выбраны произвольно.

Книга пятая

1

Если тебе не хочется подыматься чуть свет, то тотчас же скажи себе: «Я встаю, чтобы приняться за дело человеческое. Неужели же я буду досадовать на то, что иду на дело, ради которого я создан и послан в мир! Неужели мое назначение – греться, растянувшись на ложе?» – «Но последнее приятнее». – «Так ты создан для наслаждения, а не для деятельности и напряжения сил? Почему ты не смотришь на растения, пичужек, муравьев, пауков, пчел, делающих свое дело и, по мере сил своих, способствующих красоте мира? Ты же не желаешь делать дела человеческого? И не спешишь к тому, что отвечает твоей природе?» – «Но ведь нужно и отдохнуть». – «Согласен. Однако природа установила для этого известную меру, как установила ее и для еды, и для питья. Но ты все же идешь дальше меры и дальше того, что достаточно. В деятельности же своей ты не достигаешь этой меры, не доходишь до границ возможного, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любил и свою природу, и ее требования. Другие, любящие свое искусство, всецело отдаются своему делу, забыв и помыться, и поесть. Ты же меньше ценишь свою природу, нежели гравер – гравирование, танцор – танцы, сребролюбец – деньги, честолюбец – славу. Все они, когда увлекутся, предпочитают не есть и не спать, только бы приумножить то, к чему лежит их душа. Неужели же общепользная деятельность кажется тебе менее значительной и менее достойной усилий?»

2

Как легко, отбросив и подавив всякое тягостное и неподобающее представление, тотчас же достичь полного мира душевного.

3

Считай себя достойным всякого слова и дела, согласных с природой. Пусть не смущают тебя чьи-нибудь последующие упреки и пересуды, но если можешь сделать или сказать что-нибудь прекрасное, то смело берись за это! Ведь у людей свое руководящее начало, и следуют они своим стремлениям. Не смотри на это, но иди напрямик, следуя своей природе и общей, ибо един путь той и другой.

4

Я буду идти, неуклонно держась природы, пока не свалюсь; лишь тогда я отдохну, отдав свое дыхание тому, из чего я черпал его ежедневно, и возвратившись туда, откуда изошло семя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, в ту землю, которая столько лет кормила и поила меня, которая носит меня, топчущего ее и пользующегося сверх меры ее дарами.

5

Ты не можешь никого удивить своей быстрой сообразительностью. Пусть так. Но есть многое другое, относительно чего ты не можешь сказать: «Я не рожден для этого». Проявляй же те свойства, которые всецело зависят от тебя: чистосердечие, серьезность, выносливость, пренебрежение к наслаждениям, довольство своей судьбой, немногочисленность

потребностей, благожелательность, свободу, умеренность, отсутствие пустословия и высокомерия. Знаешь ли ты, со скольких сторон ты еще мог бы проявить себя, относительно которых нельзя было бы сослаться на природную неспособность, и все же добровольно остаешься на прежнем уровне? Или же к тому, чтобы роптать, жадничать, льстить, во всем винить свое жалкое тело, потворствовать ему, превозноситься и испытывать подобные душевные волнения, также принуждает тебя какая-нибудь прирожденная неспособность? Нет, клянусь богами, нет! Напротив, ты давно бы уже мог отделаться от всего этого. Если же ты действительно признаешь в себе недостаточную быстроту понимания и сообразительности, то этот недостаток следует уничтожить упражнением, а не потворствовать своей лени, махнув на него рукой.

6

Одни люди, сделав кому-нибудь одолжение, склонны требовать от него признательности. Другие не склонны к этому, но все же в глубине души считают его своим должником и отдают себе отчет в том, что они сделали. Есть, наконец, и такие, которые некоторым образом и не отдают себе отчета в том, что они сделали; они подобны лозе, приносящей виноград и ничего не добывающей после того, как произведет свой плод: так бегают лошадь, так выслеживает собака, так собирает мед пчела. Человек же, сделавший добро, не кричит об этом, а переходит к другому делу, как лоза, которая в урочное время должна вновь принести виноград. «Итак, следует быть в числе тех, которые, делая добро, некоторым образом не отдают себе отчета в том, что они делают?» – «Да». – «Но добро и есть именно то, в чем необходимо отдать себе отчет; ведь человеку, преданному общему благу, свойственно знать, что его деятельность отвечает общему благу, и, ей-же-ей, желать, чтобы и другие знали об этом». – «Ты говоришь правду. Но ты не улавливаешь смысла сказанного и потому будешь одним из тех, о которых я упомянул раньше. Ведь и их вводит в заблуждение видимость разумной убедительности. Но если ты хочешь понять сказанное, то не бойся, что тебе придется из-за этого упустить какое-нибудь общепольное дело».

7

Молитва афинян: «Пролейся, пролейся дождем, благодатный Зевс, над пашнями и полями афинскими». Или вообще не следует молиться, или молиться с такой простотой и благородством.

8

Смысл выражений: «Асклепий назначает такому-то верховую езду, холодные обмывания или ходьбу босиком» и «Природа Целого назначает такому-то болезнь, или увечье, или лишение чего-нибудь» – вполне совпадает. Ведь в первом случае слово «назначает» значит: он определил такому-то то-то, как споспешествующее его здоровью, а во втором – что приходящееся на долю каждого определено ему, как споспешествующее его судьбе. Поэтому мы и говорим, что нечто «пришлось» на нашу долю, подобно тому как строители говорят о четырехугольных камнях в стенах или пирамидах, что они «пришлись» друг к другу, если они находятся в каком-нибудь гармоническом сочетании. Ведь единая гармония проникает все. И подобно тому как из всех тел слагается мир – совершенное тело, так и из всех причин слагается судьба – совершенная причина. Мои слова должны быть понятны и для людей совсем простых. Ведь они же говорят: «Судьба ниспослала ему это». Следовательно, такому-то ниспосылается то-то, такому-то назначается то-то. Будем же относиться к этому так же,

как к тому, что назначает Асклепий. Ведь и в последнем случае многое нам не по вкусу, однако надежда на здоровье побуждает нас с радостью пойти на это. Пусть же исполнение и осуществление замыслов общей природы кажется тебе чем-то подобным твоему здоровью. Поэтому прими с радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебе тягостным, ибо оно ведет к известной цели, к здравью мира, благоденствию Зевса и успеху его начинаний. Ибо он никому не ниспослал бы этого, если бы это не способствовало благу Целого. Ведь и природа любой вещи не производит ничего, что не было бы на потребу подвластному ей. Итак, следует любить все происходящее с тобой по двум основаниям. Во-первых, оно произошло с тобой, было предназначено тебе и как бы имело в виду тебя, будучи связано с тобой еще силой изначальной причины. Во-вторых, оно является причиной благоуспешности, совершенства и, ей-же-ей, самого существования миродержавного правителя⁵⁴. Ведь Целое будет извращено, если ты хоть в чем-нибудь нарушишь согласие и связь как частей его, так и причин. Но именно это ты и делаешь по мере своих сил, когда выражаешь недовольство чем-нибудь и как бы устранишь его.

9

Не следует ни негодовать, ни падать духом, ни разочаровываться, если тебе не вполне удастся во всем действовать согласно правильным основоположениям. Пусть ты потерпел неудачу, все же нужно вновь вернуться к тому же, быть довольным, если в большинстве случаев ты поступаешь достойно человека, и любить то, к чему ты возвращаешься. К философии следует возвращаться не как ребенок к своему дядьке, но как страдающие глазами к своим лекарствам, губке или яйцу, другие – к целебной мази или водяному душу. Тогда легко тебе будет повиноваться разуму и ты найдешь в нем свое успокоение. Помни же, что философия желает того же, что и твоя природа; ты же желаешь и другого, несогласного с природой. Но что более привлекательно? Разве наслаждение не сбивает нас на ложный путь именно благодаря тому, что кажется таким? Вникни, однако, не будут ли более привлекательны великодушие, свобода, простота, праведность, благочестие. А что привлекательнее самого разумения, если под ним понимать способность соображения и познания, счастливо преодолевающую все препятствия?

10

Сущее настолько сокрыто от нас, что многим философам, и не заурядным, оно представляется совершенно непостижимым. И даже сами стоики признают его труднопостижимым. Наше согласие с чем-нибудь не есть нечто неизменное. Где, в самом деле, человек, не менявший своих взглядов? Перейди теперь к самым окружающим тебя предметам: как все кратковечно и мимолетно, как легко может стать достоянием распутника, блудницы или разбойника! Присмотрись, далее, к нравам твоих современников: с трудом можно ладить даже с самым уживчивым из них, чтобы не сказать, что кое-кто из них еле выносит самого себя. Я отказываюсь понять, что в этом мраке, в этой грязи, при такой текучести и материи, и времени, и движения, и движимого могло бы еще стать предметом почитания или же вообще серьезного отношения. Наоборот, следует бодро ждать своего естественного конца, не досадуя на его замедление и утешая себя следующими двумя положениями. Во-первых, со мной не может случиться ничего, что не отвечало бы природе Целого. Во-вторых, я могу не делать ничего против моего божества и гения. Ибо никто не может принудить меня к этому.

⁵⁴ Произвольная вставка переписчика, намекающая на высокое общественное положение автора книги.

11

Какое употребление делаю я теперь из моей души? Вот вопрос, который следует себе ставить во всяком положении и исследовать далее, что происходит с той частью моего существа, которую называют руководящей. Чья душа теперь у меня? Не ребенка ли? Не юноши ли? Не слабой ли женщины, или тирана, или скота, или дикого зверя?

12

Что представляет собою то, что большинству людей кажется благом, ты мог бы узнать хотя бы из следующего. Если кто-нибудь помышляет о каких-нибудь истинных благах, как разумение, благоразумие, справедливость, мужество, то, задаваясь такими мыслями, он не рисковал бы выслушать известное изречение: «От благ и т. д.»⁵⁵, ибо оно здесь совсем неуместно. Но если кто помышляет о том, что кажется благом большинству людей, то он не только выслушает изречение комического поэта, но и охотно согласится с ним, как с метким словом. И большинство людей представляет себе так это различие; иначе это изречение не было бы столь оскорбительно и непристойно. Ведь если применять его к богатству и тому, что служит роскоши и славе, то мы вполне согласны с ним, как с удачным и остроумным словом. Сделай же следующий шаг и спроси себя, следует ли чтить и считать благом то, при мысли о чем вполне уместно замечание: «Приобретшему эти блага в изобилии некуда будет и помочиться».

13

Я состою из начала причинного и материального. Ни то ни другое не перейдет в небытие, как и не возникло оно из небытия. Поэтому каждая часть моего существа по изменении делается какой-нибудь частью мира, последняя, изменившись, в свою очередь делается другой частью мира, и так бесконечно. Ведь и я возник в силу изменения, и те, кто породили меня, и т. д. также бесконечно. Все это остается верным и в том случае, если мир подчинен закону размеренных периодов⁵⁶.

14

Разум и искусство разумной жизни суть способности, довольствующиеся собой и делами, согласными с ними. Их стремление направляется свойственным им началом, их путь прямо ведет к положенной им цели. Поэтому согласные с ними действия называются правильными, что указывает на правильность пути.

15

Ничто из того, что не принадлежит человеку, поскольку он человек, не может быть названо свойственным человеку. Все это не составляет требований человека, не предписы-

⁵⁵ Выражение Менандра, приведенное в конце параграфа полностью. Менандр (342–292 гг. до н. э.) – поэт, создатель новоаттической комедии.

⁵⁶ Марк Аврелий имеет в виду учение Гераклита Эфесского (ок. 544–483 гг. до н. э.) и стоиков о периодическом поглощении мира (мировой пожар) единой сущностью (богом) и обратном его выделении. По Гераклиту, мир «всегда был, есть и будет вечно живым огнем, который мерами вспыхивает и мерами гаснет».

ваются природой человека, не является совершенством человеческой природы. Не в этом и цель человека, а следовательно, и завершение цели – благо.

Ведь если бы, далее, что-нибудь из этого было свойственно человеку, то не могло бы быть свойственно ему пренебрежение и противодействие по отношению к этому и не был бы достоин похвалы тот, кто стремится не нуждаться в этом; будь это благом, не мог бы быть хорошим человек, отказывающий себе в чем-нибудь подобном. На самом же деле человек тем лучше, чем полнее его отречение от этого или чем легче он переносит лишение чего-нибудь такого.

16

Каковы по большей части твои представления, таковым же будет и твое помышление. Ибо душа пропитывается этими представлениями. Пусть же она постоянно пропитывается у тебя представлениями вроде нижеследующих. Где есть возможность жить, там можно и хорошо жить: при дворе можно жить, следовательно, там можно и хорошо жить. И далее: каждая вещь стремится к тому, ради чего она была создана, а в том, к чему она стремится, – ее цель; но где цель каждой вещи, там же ее польза и благо. Благо же разумного существа – общение. А что мы созданы для общения – это доказано уже давно. Разве не очевидно, что низшие существа созданы для высших, а высшие друг для друга? Одушевленные – выше неодушевленных, из одушевленных же высшими являются разумные.

17

Стремиться к невозможному – безумно. Но невозможно, чтобы дурные люди не поступали соответствующим образом.

18

Ни с кем не случается ничего такого, чего он не в силах был бы вынести. Случается то же самое и с другими, и они, потому ли, что не знают, что с ними случилось, или потому, что желают щегольнуть своим возвышенным образом мыслей, остаются твердыми и непоколебимыми. Было бы ужасно, если бы невежество и тщеславие оказались сильнее разума.

19

Сами вещи отнюдь не соприкасаются с душой. Им нет доступа в душу, они не могут ни изменить ее, ни привести ее в движение. Изменение же и движение в ней лишь от нее самой. И каким будет для нее все предлежащее ей – зависит от того, каких суждений она сочтет себя достойной.

20

Человек является для нас существом наиболее близким, поскольку мы обязаны делать людям добро и не тяготиться ими. Поскольку же кто-нибудь из них противодействует исполнению моих обязанностей, постольку он становится для меня не менее безразличным, нежели солнце, ветер, дикий зверь. Все это может воспрепятствовать какой-либо деятельности, но для стремления и настроения, в силу полагаемого условия и способности претворения, препятствия возникнуть не может. Ведь душа претворяет и изменяет каждое пре-

пятствие в предпочтительное; то, что было препоной для данного действия, становится средством для другого действия, а то, что стояло на пути, само указывает путь.

21

Чти наиболее совершенное из существующего в мире; им будет то, что всем пользуется и всем правит. Равным образом почитай наиболее совершенное из существующего в тебе: оно сродни первому. Ибо и в тебе оно то, что пользуется всем другим, а твоя жизнь направляется им.

22

Что не причинит вреда Граду, не вредит и гражданину. Каждый раз, когда возникает представление о вреде, применяй следующее правило: «Если это не приносит вреда Граду, то не приносит и мне». Если же Граду причинен вред, то не сердиться следует на виновного, а указать ему его заблуждение.

23

Чаще размышляй о том, с какой быстротой проносится и исчезает из виду все сущее и происходящее. Ибо сущность подобна непрерывно текущей реке; действия беспрестанно сменяют друг друга, причины подлежат бесчисленным изменениям. И нет, по-видимому, ничего устойчивого, а рядом с нами безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой все исчезает. Так не глупцом ли будет тот, кто станет гордиться чем-нибудь подобным, или волнуется по его поводу, или же жалуется, точно дело идет о бремени, которому предстоит длиться века?

24

Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доле ты участвуешь в ней; о времени в его целом, от которого тебе уделен лишь краткий и мимолетный срок; о судьбе: какой незначительной частицей ее ты являешься!

25

Кто-нибудь поступает плохо по отношению ко мне? Ну что ж, это его дело. У него свое душевное настроение и свой образ действий. Я же таков, каким желает, чтобы я был, общая природа, и поступаю так, как желает, чтобы я поступал, моя собственная природа.

26

Руководящая и господствующая часть твоей души не должна поддаваться влиянию медленных или порывистых движений в теле. Ей следует не смешиваться с телом, а отмежеваться от него и происходящее в его членах ограничить их пределами. Если же оно сообщается душе другим путем, в силу общения и соединения ее с телом, то в таком случае не нужно пытаться противодействовать ощущению, ибо оно существует согласно природе. Руководящее начало не должно только прибавлять от себя убеждения о добре и зле.

27

Живи в общении с богами! Но в общении с богами живет тот, кто постоянно являет им свою душу довольной своим уделом, действующей согласно желаниям гения, которого Зевс дал каждому человеку как наставника и руководителя и который есть частица его самого. Этот гений есть дух и разум каждого из нас.

28

Будешь ли ты сердиться на человека, от которого пахнет потом или у которого скверно пахнет изо рта? Что ему делать? Такой уже у него рот и такие подмышки, что против его воли исходит от них такой запах. «Но ведь человек, – возразят мне, – обладает разумом и может, при некотором внимании, усмотреть, в чем его недостаток». – Правильно. Но в таком случае и ты обладаешь разумом. Пусть же разумное убеждение в тебе приведет в движение разумное убеждение в другом. Доказывай, напоминай. Если он услышит тебя, то исцелится, и не будет уже нужды в гневе.

Не следует уподобляться ни трагическому актеру, ни блуднице.

29

Ты можешь здесь жить так, как рассчитываешь жить, уйдя отсюда. Если же тебя лишают этой возможности, то расстанься с жизнью, но как человек, не усматривающий в этом никакого зла. Дым ест мне очи, и я уйду⁵⁷. Считаешь ли ты это особым подвигом? Но пока ничто не гонит меня вон, я остаюсь свободным и никто не помешает делать то, что я желаю. Желания же мои согласны с природой существа разумного и общежительного.

30

Дух Целого требует общения. Поэтому менее совершенные существа он создал ради более совершенных, а более совершенные приноровил друг к другу. Ты видишь, какое он всюду установил подчинение и соподчинение, каждому дал в меру его достоинства и привел наиболее совершенные существа к единомыслию.

31

Как ты вел себя до сего дня по отношению к богам, родителям, братьям, супруге, детям, учителям, воспитателям, друзьям, родственникам, домочадцам? Можешь ли ты сказать о себе:

*«До сих пор никого не обидел ни словом, ни делом»?*⁵⁸

Вспомни, сколько ты пережил и сколько имел мужество перенести. Вспомни, что история твоей жизни уже близка к окончанию и срок служения – на исходе. Вспомни, сколько ты видел прекрасного, ко скольким наслаждениям и страданиям отнесся с пренебрежением, как презирал суетную славу и сколько раз показал себя праведным по отношению к неправедным.

⁵⁷ Намек на латинскую пословицу, согласно которой три вещи гонят человека из дома: дым, протекающая крыша и сварливая жена.

⁵⁸ Гомер. Одиссея. IV, 690.

32

Как могут люди без образования и неучи смутить покой человека образованного и знающего? Кого же следует назвать образованным и знающим? Того, кто знает начало, и цель, и разум, проникающий все сущее и извечно управляющий всем по размеренным периодам.

33

Еще немного – и ты прах или кости; останется одно имя, а то и его нет. Имя же – пустой звук и бездушное эхо. Все блага, ценимые в жизни, суетны, бренны, ничтожны и подобны молодым псам, кусающим друг друга, и капризным детям, то смеющимся, то вновь плачущим. Верность же и стыд, справедливость и истина удалились

с пространной земли на Олимп⁵⁹.

Что же еще удерживает тебя тут? Все воспринимаемое чувствами изменчиво и неустойчиво, сами чувства смутны и легко поддаются в обман, а сама наша душонка – испарина крови. Разве не суетно желание пользоваться славой у таких созданий? Почему же не ожидаешь ты с легким сердцем своего уничтожения или изменения во что-нибудь другое? Но как быть до тех пор, пока не наступил еще этот момент? Читить и славить богов, делать добро людям, не тяготиться ими, но и не сблизаться с ними слишком, помнить, что все, находящееся вне твоего брэнного тела и такой же жизненной силы, не принадлежит тебе и от тебя не зависит.

34

Если ты можешь избрать правильный путь и надлежащим образом составлять свое убеждение и действовать, то можешь и быть счастливым. Две особенности общи как душе бога, так и душе человека и всякого разумного существа. Во-первых, ничто чуждое душе не может оказаться для нее препятствием. Во-вторых, душа может полагать свое благо в праведном настроении и действии и ими ограничить свое стремление.

35

Если что-нибудь не является ни пороком во мне, ни действием моего порока и в то же время не причиняет вреда Целому, то стоит ли мне по его поводу тревожиться? Но что могло бы причинить вред Целому?

36

Не отдавайся всецело полету своего воображения, но помогай другим по мере возможности и поскольку они заслуживают, даже если у них ощущается недостаток в вещах безразличных. Но не воображай, что этот недостаток означает вред: зла тут нет никакого. Старец, уходя, настоятельно требует у своего питомца кубарь, хотя и знает, конечно, что это всего-навсего игрушка. Так же и тут. Но когда ты говоришь с трибуны⁶⁰: Человек, не забыл ли ты, о

⁵⁹ Гесиод. Работы и дни. 195.

⁶⁰ Намек на недошедшую до нас басню.

чем идет речь? – «Да. Но ведь все так стремятся к этому». – Неужели же на этом основании и ты должен стать глупцом?

Куда бы я ни попал, я могу быть счастлив. Счастлив же тот, кто уготовил *себе* благоую участь. Благая же участь – это благие склонности души, благие стремления, благие дела.

Книга шестая

1

Сущность Целого податлива и послушна. Разум же, управляющий ею, не таит в себе никакой причины, которая могла бы побудить его делать зло. Ведь зла в нем нет, он ничего злого не делает, и ничто не терпит от него вреда. Но все возникает и совершается согласно ему.

2

Пусть будет для тебя безразлично, терпишь ли ты, исполняя свой долг, от холода или зноя, клонит ли тебя ко сну, или ты уже выспался, плохо ли о тебе отзываются или хорошо, собираешься ли умирать или сделать что-нибудь другое. Ведь смерть есть одна из наших жизненных задач, и для ее решения достаточно надлежащего выполнения текущих дел.

3

Не довольствуйся поверхностным взглядом. От тебя не должны ускользнуть ни своеобразие каждой вещи, ни ее достоинство.

4

Все предметы подлежат очень быстрому изменению; им предстоит или испариться (если сущность всего едина), или же рассеяться.

5

Правящий разум знает самого себя, знает, что делает и с какой материей имеет дело.

6

Лучший способ оборониться от обиды – это не уподобляться обидчику.

7

В одном ищи радости и успокоения: в том именно, чтобы от одного общепольного дела переходить к другому, памятуя о боге.

8

Руководящее начало само себя побуждает и направляет. Оно делает себя таким, каким желает, и от него же зависит сделать так, чтобы все казалось ему таким, каким оно само желает.

9

Все совершается согласно природе Целого, а не какой-либо другой, объемлющей ли ее извне, или таящейся внутри, или же обособленной.

10

Или смешение, сплетение и рассеяние, или же единение, порядок и промысел. Если допустить первое, то что может побудить меня оставаться далее в этой дикой путанице и смятении? О чем мне еще заботиться, как не о предстоящем превращении в землю? Что может волновать меня? Что бы я ни делал, и до меня дойдет рассеяние. Если же допустить второе, то я преисполняюсь благоговения и мужества и уповаю на промысел.

11

Если обстоятельства понудят тебя изменить своему душевному равновесию, то поспеши вернуться к самому себе и не отступать сверх необходимости от размеренных движений своей души. Ведь чем чаще будешь ты возвращаться к гармонии, тем более и более будешь укрепляться в ней.

12

Если бы у тебя были одновременно и мачеха, и родная мать, то ты, конечно, относился бы к первой с уважением, но тебя, однако, постоянно тянуло бы к матери. Таковыми являются для тебя двор и философия. Постоянно же возвращайся к философии и ищи в ней успокоения; благодаря ей и жизнь при дворе не будет тебе в тягость, и сам ты не будешь в тягость другим.

13

Относительно мясных блюд и вообще подобных кушаний можно приучить себя к такому взгляду: это вот труп рыбы, это – труп птицы или поросенка. Равным образом фалернское вино – выжатый сок винограда, пурпур – шерсть овцы, окрашенная кровью улитки, соитие – трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с особыми спазмами. Такого рода представления, доходя до самых вещей и проникая в них, дают возможность увидеть, каковы они на самом деле. Так следует поступать всю жизнь. Если какие-либо вещи кажутся нам безусловно заслуживающими нашего одобрения, следует обнажить их, прозреть всю их суетность и устранить ореол, придаваемый им рассказами. Ибо ничто не способно так вводить в заблуждение, как тщеславие, и проводит оно тебя более всего тогда, когда тебе кажется, что ты занят самым серьезным делом. Посмотри-ка, что говорит Кратет о самом Ксенократе⁶¹.

⁶¹ *Ксенократ из Халкидона* (339–314 гг. до н. э.), ученик Платона, двадцать пять лет возглавлял Академию (школу, созданную Платоном в священной роще героя Академа, близ Афин). Его считали самым правдивым, независимым и неподкупным человеком в Афинах. Из многих известных *Кратетов*, двое были современниками Ксенократа: *Кратет-афинянин*, подвизавшийся в Академии, писавший философские сочинения и комедии, и *Кратет из Фив* (ок. 365–285 гг. до н. э.) – киник, ученик и последователь Диогена Синопского.

14

Большинство людей восторгается обыкновенно самыми обыденными вещами, относящимися к мертвой или растительной природе, как-то: камнями, досками, смоковницами, виноградными лозами, маслинами. Несколько более развитые люди – существами одушевленными, как стадами мелкого или крупного скота. Люди, стоящие на следующей ступени развития, – тем, что одарено разумной душой, не имеющей, однако, вселенского характера, но обладающей специальными познаниями или же какими-нибудь дарованиями или даже лишенной их: сюда относится обладание большим числом рабов. Тот же, кто чтит душу разумно-вселенскую и гражданственную, не смотрит уже ни на что другое. Его более всего занимает, как сохранить разумность и уважение к общественности в своей душе и помочь в том же своему ближнему.

15

Одно спешит к существованию, другое спешит из него, и из того, что возникло, кое-что уже исчезло. Поток изменения постоянно обновляет мир, как непрерывное течение времени постоянно сообщает юность беспредельной вечности. Что могло бы стать для кого-нибудь предметом почитания в этом потоке бегущих явлений, ни на одном из которых нет возможности остановиться? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь вздумал облюбовать одну из пролетающих птиц, а она уже скрылась из глаз. Такова же и жизнь каждого из нас – испарение крови и вдыхание воздуха. Ведь нет разницы между однократным забиранием и возвращением воздуха (что мы производим ежемгновенно) и возвращением самой способности дыхания, полученной тобой вчера или позавчера, при рождении, туда, откуда ты ее первоначально получил.

16

Ценно не выдыхание воздуха, имеющееся и у растений, и не вдыхание его, которым обладают и скоты, и звери, не способность получать извне представления и определяться стремлением, не стадная жизнь и не питание; все это ничем не лучше обратного выделения остатков пищи. Но что же, наконец, ценно? Выражение одобрения? Нет. Следовательно, и не выражение одобрения с помощью языков; ведь к этому-то именно и сводится то доброе имя, которое может дать толпа.

Итак, ты отрекся и от суетной славы. Что же остается ценного? Мне кажется, деятельность, согласная с присущим тебе строем, и верность ему, т. е. именно то, на что направлены и все занятия, и искусства. Ведь всякое искусство стремится к тому, чтобы его произведения соответствовали тому делу, для которого они были приготовлены: этого добивается и садовод, заботящийся о виноградной лозе, и укротитель коней, и собачник. А к чему стремятся воспитание и обучение? Это-то и ценно. И если в этом отношении все обстоит благополучно, то ты уже не будешь нуждаться ни в чем другом. Но ты не можешь отказаться и от многих других ценностей? В таком случае ты не будешь обладать ни свободой, ни самоудовлетворенностью, ни безмятежностью. Тебе по необходимости придется завидовать, ревновать, подозревать тех, которые способны отнять у тебя ценные тобою вещи, и злоумышлять против тех, которые обладают ими. Вообще, ощущающий недостаток в чем-нибудь из них необходимо должен прийти в замешательство и начать хулить богов. Если же ты будешь бережно относиться к собственной душе и ценить ее, ты будешь удовлетворен самим собой,

будешь ладить с людьми и соглашаться с богами, т. е. хвалить все, что они ниспошлют и назначат тебе.

17

Элементы несутся вверх, вниз и в круговорот. Движение же добродетели не следует ни одному из этих направлений, но есть нечто более божественное: оно идет вперед верным, хотя и не легко определимым путем.

18

Что делают люди! Своих современников, живущих вместе с ними, они прославлять не желают. А сами между тем чрезвычайно высоко ставят славу у потомков, которых они никогда не видали и не увидят. Ведь это почти то же, что огорчаться по поводу того, что уже предки не пели тебе хвалы.

19

Если что-либо тебе не по силам, то не решай еще, что оно вообще невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе.

20

Во время гимнастических упражнений кто-нибудь оцарапал тебя ногтем или ударом головы поставил синяк. Мы не придаем значения этому, не обижаемся и не будем в дальнейшем смотреть на него как на злоумышленника, хотя и будем его беречься не как врага, однако, или человека подозрительного; мы просто будем спокойно уступать ему путь. – Пусть будет так же и в остальной жизни: многого не должны мы ставить в счет тем, кто как бы упражняется вместе с нами на жизненной арене. Ведь можно же, как я сказал, уклоняться от встреч, не подозревая и не ненавидя.

21

Если кто-нибудь может с очевидностью доказать мне, что я неправильно сужу или действую, то я с радостью изменюсь. Ибо я ищу истины, от которой еще никто никогда не потерпел вреда. Терпит же вред тот, кто упорствует в своем заблуждении и невежестве.

22

Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания: это или нечто неодушевленное, или неразумное, или заблудшее, или же не знающее пути.

23

К существам неразумным и вообще ко всем вещам и предметам относись с великодушием и достоинством, как существо, обладающее разумом, к тому, что не обладает им. К людям же, как существам разумным, относись, как к равным. И всегда призывай богов. И пусть будет для тебя неважно, сколько времени продлится такая деятельность. Достаточно и трех таких часов.

24

Смерть уравнила Александра Македонского с его погонщиком мулов. Ибо они или были поглощены семенообразными потенциями (λόγοι σπέρματικῆς) мира, или же распались на атомы.

25

Подумай о том, сколько явлений возникает в теле и душе каждого из нас в течение одного момента времени, и ты не будешь удивляться тому, если несравненно более или, вернее, все сосуществует в том Едином и Целом, которое мы называем миром.

26

Если кто-нибудь спросит тебя, как пишется имя «Антонин», то неужели же ты станешь выкрикивать каждую из составляющих его букв? А если на тебя будут сердиться, будешь ли ты также сердиться в свою очередь? Разве ты не перечислишь спокойно и по порядку все отдельные буквы? Помни же, что и всякая обязанность составляется из отдельных моментов, которые можно перечислить. Их-то и должно блюсти и без суетливости, не отвечая раздражением на раздражение, надлежащим образом исполнять очередное дело.

27

Не жестоко ли не позволять людям стремиться к тому, что им кажется пристойным и полезным? Но, досадуя на их заблуждения, ты некоторым образом не позволяешь им этого. Ведь они же всегда стремятся к тому, что им представляется пристойным и полезным. – «Но на самом деле это не так». – Тогда поучай и указывай, но не выходи из себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.